

И.Б. Роднянская

«Выхожу один я на дорогу...»

Одно из последних стихотворений Лермонтова, лирический итог многих исканий, тем и мотивов, сквозных для его творчества. Белинский относил стихотворение к числу избраннейших вещей, в которых «все лермонтовское». Не будучи символическим или аллегорическим, с мгновенной непосредственностью запечатлевая настроение и чувство в их «лирическом настоящем», оно тем не менее сплошь состоит из высокочастотных в лермонтовском мире эмблематичных слов, каждое из которых имеет долгую и изменчивую поэтическую историю. В запеве — тема одинокой участи. «Кремнистый путь» во 2-й строке, восхищавшей Л. Толстого как метко схваченное впечатление кавказского пейзажа, — это и обобщение: путь странника в «пустыне безотрадной». Но меняется лирическая оценка образа пустыни, устойчивого у Лермонтова («Три пальмы», «Благодарность»): безотрадный край изгнания, символ опустошенной жизни здесь и в «Пророке» становится также местом уединенного свидания с вселенной. «Голубое сиянье» (любимый цвет Лермонтова) сообщает земному пейзажу космическую широту и бытийственность, приобщает его к «пространствам синего эфира» («Демон») и к ночной голубизне «Русалки». Точно так же через необычайно смелый и философски значительный образ 4-й строки в поэзию Лермонтова возвращаются «звезды» его юности, почти исчезнувшие из зрелой лирики.

Тема песни («сладкий голос» или голос «отрадный», из чернового варианта), возникающая при поддержке гармонической звукописи в последней строфе, но разлитая в напевном строе всего стихотворения, — начиная с «Ангела», связывается с тем особым лермонтовским Эдемом, которому он присвоил имя «отрады», с идеальной полнотой бытия, недостижимой в земных борениях, однако включающей в себя музыкально преобразованные земные ценности (цветенье природы, женскую любовь). «Темный дуб» примыкает к той же цепи образов блаженства (ср. «завещание» Мцыри в финале поэмы). Строки 9–10 перекликаются с строками 11–12 песни Демона и с 7-й строкой стихотворения «И скучно и грустно» («...прошлое нет и следа...»), отличаясь от них новым настроением задумчивой грусти. Ключевая формула «свободы и покоя», по видимости совпадая с пушкинской (письмо Онегина, стихотворение «Пора, мой друг, пора»), возникает у Лермонтова независимо от Пушкина еще в юношеском стихотворении «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья»): «ищу забвенья и свободы». Мотив побега «в обитель мирную» у Лермонтова лишен пушкинской уравновешенности и «превратился в тему романтически универсального избавления» (Д. Максимов, «О двух стихотворениях Лермонтова»), приобщения к увядающей жизни.

Все эти прежние смысловые моменты лермонтовской лирики вступают здесь в новое трепетно-сложное соотношение — тончайшая душевная вибрация, совмещающая восторг перед мирозданием с отчужденностью от него, печальную безнадежность с надеждой на сладостное чудо. Природа в стихотворении — не безучастная (по сравнению с «Тучами», песней Демона) и не «равнодушная» к человеческой бренности (стансы Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных»), но полная обещаний одушевленного участия и чутко человеческая; герой, казалось бы, готов к ней припасть. И однако едва прозвучал вопрос-вдох: «Что же мне так больно и так трудно?» (композиционное средостение стихотворения), — как прекрасный мир, чьей реальности воздано должное в первых шести строках, словно бы меркнет для героя, болезненно ощутившего свое неутоленное «Я», и он с неожиданной силой желая порывается куда-то прочь, в блаженную область, угаданную в мечте.

«Психологическая и моральная утопия свободы и покоя» (Д. Овсяннико-Куликовский) как вечно длящегося блаженства получили в литературе разноречивые философские

оценки: для одних это — «деятельный покой» в едином ритме с жизнью целого, для других, напротив, — «дремотная нирвана», растворение в «космической безмятежности». В стихотворении, действительно, есть тона глубокой и трагической усталости, однако «мир и отрада» («Ветка Палестины») всегда были для Лермонтова высокими ценностями и подчас пределом бурных стремлений; они противостоят деятельной жизни не как угасание, а как исход. В настоящем стихотворении желанные «мир и отрада» облекаются в образ вечного расцвета, обретают, по замечанию Д. Максимова, черты «космического эроса» — это «природы жаркие объятья» (Демон), которые, быть может, в ином плане бытия вновь раскроются навстречу давнему изгнаннику.

Исследователи установили преемственную связь этого стихотворения Лермонтова со стихотворением Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» из «Книги песен»; но там, где у Гейне нарочитая наивность, скрывающая романтическую иронию над мечтой о посмертном отдыхе, у Лермонтова — обнаженный лирический порыв к «отраде».

Даже среди богатств русской лирической поэзии стихотворение остается непревзойденным по музыкальности и певческой кантилене. Как и в «Тучах», но с большей выразительностью, стиховой строй сочетает черты элегической медитации и песни. Интонационно-мелодическое строение стихотворения и его ритмика (пятистопный ямб с «анapestическими ходами», придающими метру характер напева) описаны Б. Эйхенбаумом и Д. Максимовым. К типично песенным приемам относятся повторы-подхваты, сочленяющие строфы. По словам В. Ключевского, пьеса «своим стихом почти освобождает композитора от труда подбирать мотивы и звуки при ее переложении на ноты».